

Функционально-грамматическая параметризация прилагательного (по данным полевого исследования дунганского языка)

© кандидат филологических наук Т. С. Зевахина, 2001

Постановка задачи

О теоретических основаниях описательной модели

Нами разработаны принципы комплексной параметризации лексики на базе целенаправленных полевых экспериментов, проведенных с участием носителей языка в ходе работы лингвистических экспедиций [Зевахина 1984а; 1996; Вопросы 1991]. Такая параметризация позволяет обобщить полученный материал в виде комплексной функционально-семантической модели, в центре которой стоит слово как стержневая единица функционального механизма языка. Поэтому модель носит словарный характер, включая в себя вместе с тем сильный грамматической компонент. Иначе говоря, наряду с разнообразными лексико-семантическими параметрами в “портрет” слова включаются параметры функционально-грамматические [Зевахина 1984б; 1986; Зевахина, Имазов 1998].

Функциональная грамматика как подход к конструктивному моделированию языка является продуктивной идеей, привлекающей внимание широкого круга ученых разных стран [Проблемы 1985; Городецкий 1990; Кибрик 1992: гл.10; Золотова, Онипенко, Сидорова 1998; Элементы 1999; Проблемы 2000; Function 1994; Functional 1996]. При этом чаще всего речь идет не столько о создании полного конкретного описания под названием “функциональная грамматика такого-то языка”, сколько о поиске новых эффективных подходов к моделированию различных языковых явлений с действенной стороны, со стороны их содержательных функций в речи, в коммуникации.

В нашей концепции мы говорим о функциях слова в речи и о конструкциях, которые оно образует для выполнения этих функций. Сущность понятия функций сводится к семантическим операциям, совершаемым в ходе вербализации того или иного коммуникативного замысла. Конструкция – это определенная синтагматическая структура, задаваемая служебными показателями, классами знаменательных слов и порядком их следования и служащая для выражения той или иной содержательной функции. Морфология и синтаксис оказываются здесь объединенными и подчиненными конкретному коммуникативному заданию, конкретной коммуникативно-семантической функции. Иначе говоря, мы строим исчисление функций и выражающих их конструкций

(данный подход близок к исчислению семантико-синтаксических связей и “стемм” в [Теньер 1988] и к системной инвентаризации семантических реляций и синтагм в [Городецкий 1974]).

В настоящей статье мы иллюстрируем этот подход применительно к такой противоречивой части речи, как прилагательное. И, разумеется, на специфику этого класса слов налагается ряд общеметодологических проблем грамматики, например, проблема потенциальных функций и реальной возможности их актуализации при данной лексеме в данной конструкции (ср. “неожиданную” актуализацию потенциально важной функции прилагательных в русской фразе *В воздухе было голубо и прозрачно* – Л. Толстой. Казаки).

Эмпирическая база исследования

Методика работы включала ряд этапов, определяющими для которых были полевые методы лингвистической работы. Под руководством Б.Ю. Городецкого и автора настоящей статьи был проведен ряд Среднеазиатских лингвистических экспедиций МГУ им. М.В. Ломоносова по экспериментальному исследованию семантики и грамматики языка дунган Киргизии и Казахстана (1976-1988 г.г.) [Городецкий, Зевахина 1977; Городецкий 1978; Городецкий, Зевахина 1987; Вопросы 1991; Зевахина 1996]. Первичные результаты целенаправленных экспериментов, проводившихся автором и – по нашим методикам – студентами отделения структурной и прикладной лингвистики филологического факультета, отражены в протоколах полевой работы, содержащих дунганские высказывания с переводами и пометами. Далее, на основе протоколов были составлены словарные картотеки и написаны структурированные словарные статьи. В рамках лексико-семантического и функционально-грамматического моделирования дунганского языка разработаны и ведутся разноаспектные компьютерные базы данных, включающие типологический материал и по другим языкам [Зевахина 1990].

Этот банк фактов по дунганскому языку и служил основой изучения конструкций с прилагательными в функционально-грамматическом аспекте. Всего нами исследовано более 500 прилагательных, по каждому из которых имеются обширные экспериментальные данные о характерных для них грамматических конструкциях и лексической дистрибуции. В основном описание построено на материале ганьсуйского диалекта, который лежит в основе литературного языка дунган Киргизии и Казахстана.

Дунганский язык близок к китайскому языку, но отличается от него целым рядом особенностей на всех лингвистических уровнях. По своему морфологическому строю он является языком изолирующего типа

(с целым рядом черт агглютинации), отличается оригинальным синтаксисом [Имазов 1996; Зевахина, Имазов 1998]. В фонетике имеется не четыре в путунхуа, а три тона (основная закономерность заключается в следующем: первый и второй китайские слились в первом дунганском, который звучит обычно как восходящий; третий китайский стал вторым дунганским и звучит как нисходящий; четвертый китайский перешел в третий дунганский и произносится обычно как ровный; такая тоновая система, естественно увеличила распространенность омофонии в лексике дунганского языка, которая успешно автоматически разрешается в речи на основе семантических и грамматических структур). По целому ряду своих типологических характеристик дунганский язык представляет значительный интерес для общей теории функциональной грамматики.

Что касается графики, то дунгане Киргизии и Казахстана пользуются не иероглифами, а письменностью на основе русского алфавита (к нему добавлено пять букв: *ә, ж, ң, ү, Ү*). Тоны на письме не обозначаются, и чтение осуществляется по принципу предсказуемости. В словарях же тоны записывают с помощью римских цифр, которые помещаются в виде цепочки после слова, например: *пипизы I-I-II* “щепка”, *пипизы I-II-I* “шкурка”; в наших полевых протоколах тоны проставлены с помощью надстрочных знаков, а в словарных и грамматических материалах мы предпочитаем запись с помощью верхнего цифрового индекса после каждого слога, например: *пи¹* “кожа, шкура”, *пи¹* “рассечь, расколоть”, *пи²* “колоть”, *пи²* “избегать, укрыть”, *пи¹пи¹зы²* “щепка”, *пи¹пи²зы¹* “кожура, шкурка”, *цэ¹пи¹зы¹* “полено”, *пи²быи³* “уединенный”. Отсутствие иероглифической письменности, разумеется, делает печатный дунганский текст (в буквенной записи без тонов) довольно трудным объектом для восприятия и смысловой дешифровки.

Специфика прилагательного как части речи

Прежде чем говорить о результатах функционально-грамматической параметризации дунганских прилагательных, сделаем несколько замечаний общетипологического характера, а именно, назовем некоторые конституирующие черты этой части речи вообще. Эти и другие (не упоминаемые здесь) специфические свойства прилагательного раскрывают его противоречивую природу. Важно учитывать их при построении и грамматики, и комплексного словаря.

1. Наиболее фундаментальная черта прилагательных – это неуниверсальность данной части речи. Так, можно утверждать, что во всех языках имеются существительные и глаголы, однако этого нельзя с полной уверенностью сказать о прилагательных. Существуют языки,

которые либо вообще не имеют прилагательных, либо обладают лишь небольшим, закрытым классом таких слов (например, в языках банту он содержит от 10 до 40-50 единиц) [Dixon 1982].

2. Будучи представлены в очень многих языках мира, прилагательные все же не имеют универсального грамматического статуса: они занимают двойственное положение между существительными и глаголами (в одних языках, как в русском, они близки к именам существительным и считаются именной частью речи, а в других, как в китайском или дунганском, они близки к глаголам и вместе с ними могут считаться предикаторами [Городецкий, Зевахина 1977; Вопросы 1991: 6-54, 91-132]).

3. Прилагательные всегда теснейшим образом связаны с наречиями. Так называемые качественные наречия либо просто являются фактически функциональной разновидностью прилагательных (как английское *good* “хороший; хорошо”), либо образуются столь регулярно, что вполне могли бы считаться грамматической формой прилагательного (ср. русские наречия *хорошо, восторженно, внешне, потрясающе* и т.п., английские *fluently, remarkably* и т.п.). Это явление обычно служит основой функциональных механизмов регулярной синонимичности соответствующих конструкций (ср. *восторженно относиться / восторженное отношение*). Мало того, в языках мира широко распространены случаи, когда в одной и той же конструкции одно и то же слово может трактоваться и как наречие, и как прилагательное (ср. английские конструкции типа *to close the door tight* “плотно закрыть дверь”, а также *She looked cute* – “Она выглядела очаровательно” или “Она выглядела очаровательной”). А в таком языке, как русский, прилагательное развило еще и функции, связанные с констатацией состояния (*Сегодня холодно; Туда ехать опасно; Мне здесь хорошо; Это ему непонятно*).

4. В тех языках, где прилагательные существуют, мы можем очертить круг специфических для них значений в терминах семантических типов. По данным австралийского ученого, специалиста в области общей грамматической типологии Роберта Диксона, для прилагательных можно выделить 7 универсальных семантических типов: (1) РАЗМЕР, (2) ФИЗИЧЕСКОЕ СВОЙСТВО, (3) ЦВЕТ, (4) ВОЗРАСТ, (5) ОЦЕНКА, (6) СКОРОСТЬ, (7) ХАРАКТЕР И НАСТРОЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. Этот вывод основан на двух эмпирических наблюдениях: прежде всего, оказывается, что в тех языках, где имеется полноценный класс прилагательных, содержание этого класса от языка к языку остается примерно постоянным; и далее, на основе анализа 23 различных языков мира Р. Диксон обнаружил, что значительное сходство в содержании прилагательных существует и в том случае, когда они не образуют самостоятельной части речи, а являются небольшим подмножеством других

частей речи (выделяемым иногда и по морфологическим основаниям). Причем в последнем случае наиболее распространенными являются прилагательные “большой” – “маленький”; “длинный” – “короткий”; “старый” – “новый”; “хороший” – “плохой”; “черный”, “белый”, “красный” и прилагательное “сырой, зеленый, неспелый”.

5. Прилагательные, как правило, фактически не имеют своей независимой области предметной отнесенности. Они денотативно зависимы: их областью применения являются все денотаты, которые обладают данным признаком. Тем самым экстенционал прилагательных составляют их определяемые, то есть существительные. С лексикографической точки зрения это означает, что в толкованиях прилагательных должна тем или иным образом отражаться информация о той области денотатов, которой может быть приписан соответствующий признак.

Представление информации о прилагательном в общей функционально-семантической модели языка

Обобщение эмпирических данных, полученных в ходе полевых экспериментов, может быть воплощено в двух описательных моделях – в функциональной грамматике и в семантическом словаре. Согласно принятой нами концепции, эти два вида моделей целесообразно объединить в один и говорить о единой функционально-семантической модели языка. Именно таков разработанный нами экспериментальный Дунганско-русский функционально-семантический словарь наиболее употребительной лексики [Зевахина 1984; Вопросы 1991]. Мы не будем давать здесь подробного обоснования этого словаря, но отметим, что в нем имеются: функционально-грамматический очерк (где описываются основные функции слов и реализующие их конструкции), основная часть (корпус семантически структурированных словарных статей с фиксацией индивидуальных функционально-грамматических особенностей слов), тезаурус (система детализированных семантических полей) и некоторые специальные указатели (в частности, указатель парадигматических отношений – корреляций, организующих всю систему узуальных значений данного лексикона).

Идея интегрального описания языка уже имеет в современной лингвистике довольно богатую историю (см. об этом в [Новое 1983; Апрель 1995]). Наш подход отражает дальнейшее усиление этой идеи в направлении именно единой модели языка, отражает стремление сделать словарь основным, объемлющим (рамочным) видом описания, а грамматику трактовать как часть словаря, в которую вынесена информация о регулярных свойствах классов слов. В частности, для каждого класса слов исчисляются его функции и реализующие их конструкции.

Именно поэтому мы называем этот компонент модели функционально-грамматической частью словаря.

В основной части словаря для каждой лексемы дается развернутая словарная статья, включающая следующие восемь зон: 1. План выражения лексемы; 2. Дефиниционная информация; 3. Информация о свободных синтагматических связях слова в определенном его узуальном значении; 4. Фразеологизмы с данным словом; 5. Сложные слова; 6. Информация о парадигматических связях слова; 7. Модель полисемии слова; 8. Отрицательный материал.

Зоны членятся на более частные подзоны. Упомянем здесь о тех из них, которые наиболее непосредственно связаны с темой настоящей статьи. Подзона 1.3 дает информацию о частеречном статусе лексемы. В типичном случае для прилагательного эта информация имеет вид: Прил./Нареч., Глаг. Это значит, что такое прилагательное дунганского языка имеет в речи либо адъективное (включая адвербиальное), либо глагольное оформление. Заметим, что при этом и система узуальных значений такого прилагательного членится на две ветви в соответствии с этими частеречными статусами.

Подзона 3.1 дает информацию о характерных функциях и выражающих их конструкциях (последние представлены в виде формул из служебных показателей и имен лексико-семантических классов). Регулярная информация, вынесенная в общий функционально-грамматический очерк, в виде буквальных формул может здесь и не повторяться, и тогда функциональные возможности описываемой лексемы читатель словаря может наблюдать в наглядной форме в подзонах 3.2 (Примеры конкретных сочетаний) и 3.3 (Иллюстративные предложения).

Фундаментальная особенность дунганских прилагательных, как говорилось выше, заключается в том, что они тесно связаны с глаголами и образуют вместе с ними общую гиперкатегорию предикаторов. Так, прилагательное $хо^2$ “хороший” легко употребляется как в атрибутивных синтагмах типа $хо^2\ n\theta^1e^2$ “хорошая жена”, так и в предикативных синтагмах, оформленных видо-временными показателями: $Ни^2\ хо^2ди^1ни^1ма^2?$ “Здравствуй!” (букв. “Ты находишься в хорошем состоянии?”; ср. возможность преобразования русской фразы *Ты веселый?* в глагольную конструкцию *Ты веселишься?*). Кроме того, данное прилагательное может выступать как определитель к глаголу, т.е. в функции наречия: $Хо^2\ зэ^3ди^1$ “До свидания!”, букв. “Хорошо оставаться!”; $Хо^2\ чи^3ди^1$ “Счастливого пути!”, букв. “Хорошо идти!”. Последний случай мы квалифицируем как расширение атрибутивной функции прилагательного.

Приведем пример ситуации, когда прилагательное в предикативной функции развивает переносные значения. Прилагательное *хун¹* “красный” образует синтагму *да²цо² хун¹ли¹* “сенокос в разгаре” (букв. “сенокос раскалился докрасна”).

Проиллюстрируем еще случай, когда в одном из своих узуальных значений прилагательное выполняет не массовую функцию и, соответственно, образует не максимально регулярные конструкции. Слово *зый¹* в значении “тесный, недостаточно просторный” образует конструкции:

X Y-шон¹ A(-ди¹ хын²)
 X Y-шон¹ A(-ли¹, -ни¹, -ди¹ ни¹),
 где А — прилагательное, X, Y — первый и второй актанта, -
 шон¹ и т.п. — служебные показатели.

Первая из этих конструкций реализуется, например, в предложении *Кү³ зы¹ та²шон¹ зый¹ди¹хын²* “Брюки ему узки” (здесь *-шон¹* – суффикс с основным значением “сверху; на ком-то или чем-то”; *-ди¹хын²* – адъективный суффикс полной предикации, который в конструкциях такого вида является необязательным, но весьма желательным; заметим, что на основе этого предложения могли бы быть построены другие предложения с использованием типичных глагольных видо-временных и модальных суффиксов *-ли¹*, *-ни¹*, *-ди¹ни¹*). Кстати, в словарной статье этого прилагательного (в рамках указанного значения) подзона 3.1 дает информацию о сочетаемости с лексико-семантическими классами <ОДЕЖДА> и <ОБУВЬ>.

Функции прилагательного и реализующие их конструкции (опыт исчисления)

Итак, функционально-грамматическая часть общей модели языка должна давать функциональное освещение по возможности полного инвентаря типовых конструкций, в которых употребляется прилагательное в реальной речи.

Близость китайского прилагательного по своим морфологическим свойствам к глаголам позволила ряду исследователей говорить об общей категории предикативов (ср. [Драгунов 1952: 12]. Мы трактуем эту типологическую ситуацию с помощью термина “предикаторы”; однако полноправное включение в число критериев выделения частей речи синтаксического и семантического все же позволяет нам с достаточной уверенностью признать за прилагательными дунганского языка статус, хотя и особой, но все же самостоятельной части речи. (Отметим, кстати, интересную попытку А.А.Драгунова и внутри тесных рамок морфологического критерия найти ресурсы для отграничения прилагательных от

глаголов. Он отмечает, что их различие отражается в тональной структуре сложных слов, образованных путем удвоения качественной, с одной стороны, и глагольной, с другой стороны, морфем [Драгунов 1952: 168-170]).

На начальном этапе нашей работы, когда формировался словник прилагательных и словник глаголов (организованные по семантическому признаку) как два не пересекающихся по составу множества, при отнесении лексемы либо к числу адъективных, либо к числу глагольных, мы исходили главным образом из ее семантики. Позднее, в ходе работы экспедиций, были проведены специальные эксперименты на полифункциональность прилагательных и глаголов в дунганском языке [Вопросы 1991: 39-54].

Приведем некоторые результаты исчисления функций прилагательных и реализующих их конструкций, выделенных на основе тех грамматических фактов дунганского языка, которые были извлечены из семантических экспериментов с участием информантов-дунган.

Для простоты мы здесь не будем касаться исчисления различных вариантов употребления прилагательных в синтагмах типа *Hu² xo² di¹ ni¹ ma²?* "Здравствуй!" (букв. "Ты находишься в хорошем состоянии?", см. выше), где прилагательное оформлено видо-временным и модальными показателями. В схемах классификации конструкций дунганского прилагательного, которые приводятся ниже, мы называем этот случай "предикацией относительно видо-временных разграничений", отводим ему в схеме определенное место и больше в настоящей статье к нему не обращаемся, хотя и располагаем богатым экспериментальным материалом, показывающим большое функциональное разнообразие видо-временных вариантов конструкций с прилагательными. Следует, также напомнить, что все эти варианты учитываются в нашей словарной статье в подзонах 1.3 и 3.1, где конкретизируется информация об употреблении прилагательного в функциях других частей речи, а также в подзонах 3.2 и 3.3 – в конкретных иллюстративных словосочетаниях и предложениях.

Все конструкции с прилагательными могут быть разбиты на два больших класса: употребление прилагательных в атрибутивной функции и употребление прилагательных в предикативной функции (при этом в данной статье будем рассматривать только предикацию безотносительно к видо-временным и модальным разграничениям). Эти два класса употреблений охватывают в общей сложности более 40 различных конструкций. С учетом синтаксических и семантических особенностей реализации их функций выделенные конструкции могут быть объединены в группы.

Ниже приводятся (в сокращенном виде) две схемы классификации: группы конструкций с атрибутивной функцией прилагательного и группы конструкций с предикативной функцией прилагательного. В этих классификациях представлена некоторая средняя степень функционально-семантического обобщения (по сравнению с максимально конкретной степенью реализации коммуникативного замысла в том или ином высказывании, полученном в ходе семантического эксперимента).

Мы даем ниже иллюстрации и краткие комментарии к полученным группам функций. Предварительно сделаем замечание об особенностях морфологического оформления прилагательного в дунганском языке. Дунганское прилагательное в своей "общей" форме может иметь три варианта оформления: нулевой показатель, показатель *-di¹хын²*. Все эти три варианта по-разному участвуют в образовании конструкций с прилагательными. Выведение какой-то общей функции для каждой из этих морфологических форм в настоящее время в полной мере представляется трудновыполнимой задачей (что лишний раз говорит в пользу нашей концепции "конструкций", интегрирующей морфологические, синтаксические и семантические факторы). Важно отметить, что, например, при употреблении прилагательного в предикативной синтагме, его ненулевая оформленность является довлеющей тенденцией дунганского предложения. Более того, за исключением некоторых случаев (см. ниже), неоформленное прилагательное в предикативной синтагме оценивается носителями языка как нежелательное, и соответствующее высказывание признается либо незаконченным, либо даже неграмматичным (ср. * *Жан² бый¹* "Краска белая"). (Для данного случая, т.е. когда прилагательное выступает в нулевом оформлении, А.А. Драгунов употребляет термин "неполная предикация", противопоставляя ее "полной предикации" [Драгунов 1952: 213].)

Прежде чем давать комментарий к приводимым ниже схемам, отметим еще близость нашей модели функций и конструкций прилагательного (как по общему подходу, так и по некоторым конкретно-типологическим закономерностям) к циклу детальных исследований по одному из северокавказских языков – цахурскому языку (по многим внешним параметрам совершенно противоположному китайскому и дунганскому языкам): ср. такие разделы коллективной монографии [Элементы 1999], как 2.4. Предикатив (Т.Б. Сосенская); 2.5. Наречие (Т.Б. Сосенская); 2.10. Атрибутивная репрезентация (Т.Б. Сосенская); 5.3. Атрибутивизация (Е.А. Калинина, С.Ю. Толдова); 9.1. Фокусная конструкция (К.И. Казенин).

А. Конструкции с атрибутивной функцией прилагательного

Как видно из схемы, мы говорим об атрибутивной функции в максимально широком смысле: при этом подходе русские синтагмы *ужасная злость*, *ужасно злиться*, *ужасно злой*, *ужасно зло* реализуют в рамках одной и той же общей функции такие ее разновидности, которые мы называем атрибутивно-присубстантивной, атрибутивно-приглагольной, атрибутивно-приаъективной и атрибутивно-приадвербиальной функциями.

В базовой атрибутивно-присубстантивной синтагме прилагательное употребляется в простой конструкции $\underline{A}N$. Семантические разновидности атрибутивной функции в такой синтагме мы здесь не рассматриваем, т.к. они не влияют на грамматическую сторону конструкции.

Особого внимания заслуживает конструкция с последовательной атрибуцией: $\underline{A}_1A_2 \dots A_kN$. Здесь встают по крайней мере два интересных вопроса: (1) каков порядок следования прилагательных в соответствующих синтагмах, другими словами, является ли он произвольным или же имеются некоторые закономерности "нанизывания" атрибутов в синтагмах такого рода? (2) насколько распространенным в реальной речи является этот тип атрибуции и каковы при этом его наиболее употребительные модификации?

Обратимся сначала к ответу на первый вопрос. При изучении порядка следования прилагательных в дунганском языке мы исходили из того, что у нас уже имеется семантическая классификация прилагательных, в которой заданы 7 типологически релевантных для данной части

речи классов: Размер, Физическое свойство, Цвет, Возраст, Оценка, Скорость, Характер и настроение человека. (Данные классы, как говорилось выше, были выделены Р.Диксоном.) Он же определил предпочитаемый порядок прилагательных в синтагме английского языка: Оценка – Размер – Физическое свойство – Скорость – Характер и настроение человека – Возраст – Цвет. Отсюда видно, что “Оценка” занимает самое дальнее место от существительного, “Цвет” – самое близкое (см. [Dixon 1983]).

Отметим попутно, что в атрибутивной синтагме дунганского языка могут встречаться прилагательные не 7, как у Р.Диксона, а 6 классов. Дело в том, что прилагательные *куэ*³ "быстрый", *ман*³ "медленный" и некоторые другие из класса “Скорость” употребляются только в предикативной синтагме. Кстати, по этому признаку к ним близко поведение и прилагательных из класса “Характер и поведение человека”.

В результате анализа порядка следования прилагательных в дунганском языке (использовалась полевая методика работы с информантами) мы пришли к следующим основным выводам. Прежде всего существует ограничение на длину словосочетания. Максимально длинные атрибутивные словосочетания, зафиксированные в эксперименте, содержали 4 прилагательных из разных семантических классов, например, *хо² го¹ цин¹ хун¹ гэ¹мын¹* "хорошие высокие новые красные ворота". Наиболее же типичны для живого словоупотребления синтагмы с двумя прилагательными (A₁A₂N). (Тем самым мы получили ответ на второй вопрос.) Большая часть синтагм типа A₁A₂N имеет строго фиксированный порядок прилагательных, соответствующий правилам Р.Диксона (см. выше). Примерами могут служить словосочетания *хо² го¹ гэ¹мын¹* "хорошие высокие ворота", *хо² бин¹ фи²* "хорошая холодная вода" и многие другие. Но при этом было также обнаружено, что порядок прилагательных из классов “Физическое свойство” и “Возраст” может варьироваться в пределах нормальной нейтральной синтагмы (ср. в русском языке *старый тупой топор* = *тупой старый топор*). Это же относится к классам “Возраст” и “Характер и настроение человека”.

Наибольший интерес представляют исключения из правила следования, предложенного Р.Диксоном для английского языка. Например, так же как и в английском и русском языках, в дунганском обычным является следующий порядок прилагательных в сочетании типа: *суй³ бый¹ гон¹зы¹* "маленькое белое ведро" (прилагательное размера – прилагательное цвета – существительное), в случае же перестановки прилагательных, признак цвета получает эмфатическую функцию.

Следовательно, с одной стороны, мы имеем дело с нормальным, закрепленным в системе языка порядком следования прилагательных в именной группе, а с другой стороны, с коммуникативными факторами реализации нормальной синтагмы в речи. Коммуникативные факторы проявляются, во-первых, в перестановке прилагательных в нормальной, нейтральной структуре именной группы (при этом присутствует акцентное выделение), а во-вторых, в дунганском языке еще и в особой роли прилагательного $хо^2$ "хороший". А именно: дунганском языке намечается тенденция к такому употреблению $хо^2$, при котором начинает теряться лексическое значение этого прилагательного и оно приобретает чисто коммуникативную функцию, суть которой состоит в том, чтобы подготовить слушателя (или читателя) к восприятию набора свойств некоторого объекта. Отдельные информанты утверждают даже, что возможно употребление этой лексемы в синтагмах типа $хо^2 ун^3 чо^1 ку^2 дэ^1$ "(очень) тяжелый сырой мешок". Ср. употребление соответствующего китайского прилагательного hao^3 в значении "весьма" [Горелов 1989: 37].

Атрибутивная функция отрицания признака обычно выражается конструкцией $бу^1 А-ди^1 N$, например: $Гуэ^3 ли^1 бу^1 да^3 ди^1 гун^1 фу^1$ "Прошло немного времени (букв. небольшое время)".

Б. Конструкции с предикативной функцией прилагательного

Два класса такой предикации (см. схему) могут быть охарактеризованы как классы с функциями простой предикации. Одна из разновидностей функции простой предикации представляет собой предикацию ингерентного признака. Средством выражения подобной функции служит конструкция NA , в которой прилагательное, не оформленное показателями, находится в постпозиции к именной группе. Сфера употребления этой конструкции ограничена. Она встречается в предложениях – "универсальных констатациях" (*Снег белый; Земля круглая*), например, в дунганском языке $Хур^1 жян^1$ "Обезьяна хитрая"; $Шы^1 ту^2 нин^3$ "Камень твердый". В данных предложениях признак, предиктируемый референту, обозначаемому, является внутренне присущим (ингерентным) для данного референта. В этот класс попадают и фразеологические выражения типа $Шин^1 ю^2 тян^1 го^1, мин^3 ю^2 зы^2 бэ^1$ "Сердце выше неба, счастье тоньше бумаги".

Второй разновидностью простой предикации является функция предикации неингерентного признака. Наиболее распространенная конструкция с такой функцией имеет вид NA-ди¹хын², например, Жы³гэ¹суан¹мый¹ суан¹ди¹хын², чы¹бу¹чын¹ "Эта слива кислая, невозможно есть".

Отдельное место в классификации занимают конструкции с функцией "констатации предшествующего обстоятельства" последующего действия. Эта функция реализуется в сложном предложении, при этом конструкция с прилагательным имеет вид NA... (ср. Сыйди цин ха, та ху жедо фи хыту янсыни (шэньсийский диалект) [Когда мы привлекаем

примеры из шэньсийского диалекта, этот факт специально оговаривается, и тоны в этом случае не проставляются.] "Того, у кого сердце злое, она (крыса), утащив в воду, утопит"; *Нэ щё, нэсы эргэ* (шэньсийский диалект) "Я младший, я (буду) вторым братом"; *Нэ³гэ¹ жын¹ ван²жён¹, дан³ зү³щер¹ хуэ¹, зу³ фа¹ли¹* "Тот человек невыносливый, немного поработает и уже устал"; *Вэ² да¹ суй¹жан¹ ло²ли¹, зү³кэ³ хуэ¹ли¹, нин³бон¹* "Мой отец, хотя и старый, но когда работает, то крепкий".

Предикация безотносительно к видо-временным разграничениям

Перейдем к рассмотрению других функций дунганского прилагательного, употребляемого в предикативной синтагме.

Функция "выделения признака"

Эта функция подразделяется на два класса реализаций: имплицитное выделение признака (или имплицитное противопоставление) и эксплицитное выделение признака (или эксплицитное противопоставление).

Для имплицитного противопоставления в дунганском языке употребляется предикативная синтагма вида *НА-ди¹*. Она встречается в том случае, когда говорящий утверждает, что именно данное свойство характерно для определенного референта, а не какое-либо другое из числа возможных (ср. *Жы³гэ¹ жуэ¹зы¹ й Уан¹ди¹* "Этот стол круглый, (а не квадратный, прямоугольный и т.д.)"; *Ис²мар² зү³ха¹ди¹ жуэ¹зы¹ йУан¹ди¹* "Сделанные Исмаром столы круглые"; *Жы³гэ¹ мэ¹мэ² ган¹ди¹* "Этот хлеб черствый" (например, в ситуации, когда хлеб подали на стол); *Жы³гэ¹ хын³хү¹зы¹кү²ди¹* "Эта косточка урюка горькая"; *Жан² быи¹ди¹* "Краска белая" и др.

Эта функция реализуется и в ситуации краткого ответа на вопрос, ср. *Лян¹ на²гэ¹ зы² ни²му¹ ги² чү¹ йи¹ди¹ май³ зү³ли¹ хуар¹ли¹? Лян¹ хун¹ди¹* (или *Лян¹ хун¹ди¹, лю¹ди¹, хуон¹ди¹, лан¹ди¹ дэ³ фын³ди¹*) "Из какой бумаги вы делали цветы к 1 Мая?" "Из красной" (или "Из красной, зеленой, желтой, синей, розовой").

Эксплицитное противопоставление (ср. высказывания типа *Жуэ¹зы¹сы¹ йУан¹ди¹* "Стол есть круглый") встречаются прежде всего в ситуациях объяснения (учитель объясняет материал ученикам и т.п.), а также при более сильной степени выделения, чем та, которая имеет место в случае имплицитного выделения, например, *Ис²мар² зү³ха³ди¹ жуэ¹зы¹сы¹ йУан¹ди¹* "Стол, который сделал Исмар, именно круглый"; *Жы³гэ¹ хын³хү¹зы¹сы¹кү²ди¹* "Эта косточка урюка именно горькая". В

последнем примере имеет место категорическое утверждение, и более широким контекстом, в который входит данное высказывание, мог бы быть следующий: "Мне (говорящему) определенно известно (я пробовал сам или из других источников), что косточка горькая, и я предупреждаю тебя (слушающего), что есть ее ни в коем случае нельзя" (ср. [Драгунов, 1952, с.164-166; Имазов, 1982, с.58]).

В целом же (по данным полевых протоколов) информанты довольно редко употребляют в предикативной синтагме прилагательное с показателем *-ди¹*; высказывание, содержащее такое прилагательное, воспринимается носителями языка как незаконченное по мысли, и для того, чтобы оно стало законченным, необходимо, по их мнению, *-ди¹* заменить на *-ди¹хын²*.

Функция "интенсивности признака".

Эта функция выражается в дунганском языке в первую очередь с помощью показателя *-ди¹хын²*. В настоящее время происходит существенный сдвиг в значении этого показателя. Во многих случаях он уже теряет функцию интенсификатора и начинает восприниматься только как показатель полной предикации (ср. [Драгунов, 1952, с.212]).

Другой способ выразить интенсификацию признака состоит в употреблении редуцированных форм прилагательных (ср. *Жы³гэ¹зы²бэ¹ди¹хын²* "Эта бумага тонкая" – *Жы³гэ¹зы²бэ¹бэ¹рди¹* "Эта бумага тонкая-претонкая"). Редуцированные формы прилагательного в дунганском языке, как и в китайском, имеют гораздо более широкую сферу употребления, чем соответствующие формы в русском языке.

Аналитические конструкции со значением "интенсивности" образуются путем введения в конструкцию *НА-ди¹хын²* соответствующих наречий *тэ²* "очень", *Жы³му¹* "так", *шы¹зэ³* "на самом деле, в действительности" и некоторых других. К этой же группе относятся и конструкции со значением "максимального проявления признака", ср. *дин²зы¹ю¹Жы³гэ¹хын³хү¹зы¹кү²* "самая горькая косточка урюка".

Функция "неполноты признака"

Неполнота (или недостаточная интенсивность) признака в дунганском языке выражается адъективной лексемой, принимающей показатели *-цер¹*, *-йи¹цер¹*, *-ди¹цер¹*, *-йи¹дя²*, имеющие значение "немного".

Функция "сравнения"

Для целей сравнения служат следующие конструкции:

N ₁	би ² /ган ² N ₂	А
N ₁	би ² /ган ² N ₂	А-щеп ¹
N ₁	би ² /ган ² N ₂	А-йи ¹ щеп ¹
N ₁	би ² /ган ² N ₂	А-йи ¹ дяр ²

Приведем примеры предложений: Жы³гэ¹ мян³ би² нэ³гэ¹ мян³ быи¹ "Эта мука белее, чем та мука"; Жы³гэ¹ бу³ ган¹ нэ³гэ¹ бу³ хун¹йи¹щеп¹ "Эта ткань по сравнению с той тканью несколько более красная"; Чүнбин ңә кан, ни би ңә дуә (шэньсийский говор) "Чунбин, (как) я вижу, ты меня старше".

Сравнительный оборот может быть распространен дополнительными лексемами: ср., например, предложение Та² би² вэ² щеп²ди¹ зы² хо²ди¹ дуә¹ "Он пишет иероглифы намного лучше, чем я".

Функция "количественности"

В дунганском языке имеется целый ряд конструкций с прилагательными, выражающими "количество" признака или ту или иную его степень. Часто признак "количественность" объединяется с признаком "сравнение". Приведем примеры предложений, в состав которых входит та или иная конструкция со значением "количественности": Жы³гэ¹ чУан¹ жо² метр³ чон¹, сан¹ метр³ куан¹, эр³шы¹ метр³ шын¹ "Этот источник 9 метров в длину, 3 метра в ширину, 20 метров в глубину"; Вэ² би² та² да³ди¹ сан¹ суй³ "Я старше его на три года!"; Та... чязы йи суан Чүнбинжи бынсы би тажи бынсы дажи чшы гырли (шэньсийский диалект) "Он высчитал по таблицам, что умение Чунбина по сравнению с его умением в 70 раз больше".

Конструкции с функцией "отрицания"

В этот класс входят следующие конструкции бу¹ А (бу¹ хун¹ "не красный"), бу¹сы¹ А-ди¹ (Жы³гэ¹ фу¹ бу¹сы¹ хун¹ди¹, зы²ди¹ "Эта книга не красного (цвета), а бордового"; бу¹нэ³му¹ А (бу¹нэ³му¹ да³ "не такой большой") и некоторые другие.

Конструкции с различными функциями коммуникативной организации смысла (КОС)

Приведем некоторые примеры подобных конструкций: ...кан³чи² зу³щеп³ фу¹ ю² ху³, ю² да³ "если посмотреть, то (кажется), будто эта

книга и толстая, и большая ($\underline{\text{ю}^2 \text{A}_1, \underline{\text{ю}^2 \text{A}_2}$); $\underline{\text{Ни}^2 \text{кан}^3, \text{ду}\theta^1 \text{цин}^1 \text{тын}^1}$
 "Ты посмотри, какая симпатичная!" ($\underline{\text{д}\text{у}\theta^1 \text{А}}$); $\text{Ва}^3 \text{ва}^2 \text{ди}^1 \text{мин}^1 \text{зы}^2 \text{й}\text{У}\theta^1$
 $\text{чон}^1, \text{й}\text{У}\theta^1 \text{хо}^2$ "Имя ребенка чем длиннее, тем лучше" ($\underline{\text{й}\text{У}\theta^1 \text{А}_1, \underline{\text{й}\text{У}\theta^1 \text{А}_2}$).
 В качестве отдельных конструкций мы рассматриваем также конструкции, содержащие лексемы $\underline{\text{е}^3}$ "тоже", $\underline{\text{ц}\theta^1}$ "оказывается" и некоторые другие.

Заключительные замечания

Как уже отмечалось, рассмотренный в статье инвентарь адъективных грамматических конструкций служит для эксплицитной подачи в словарной статье (дунганско-русского функционально-семантического словаря) информации о реализации тех или иных коммуникативно-семантических функций каждой данной лексемы. Научный интерес такой эмпирически выверенной модели заключается в возможности дальнейшего углубления общетеоретических и типологических исследований по проблеме частей речи в языках мира, особенно в аспекте гибкости, подвижности этих категорий, их коммуникативного творческого потенциала.

Практический потенциал сплошной функционально-семантической параметризации лексики на основе лексико-грамматических конструкций заключается в создании надежного инструмента понимания и построения высказываний. Методика эмпирического обоснования такой параметризации может быть рекомендована для любого языка.

Л и т е р а т у р а

- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Том II: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995.
- Вопросы дунганской лексикологии и лексикографии (Материалы к семантической типологии) / Под ред. *Б.Ю. Городецкого; М.Х. Имазова.* – Бишкек, 1991.
- Горелов В.И.* Теоретическая грамматика китайского языка. – М., 1989.
- Городецкий Б.Ю.* Проблема инвентаризации синтагматической семантики // Проблемы семантики. – М., 1974.
- Городецкий Б.Ю.* Теоретические основы прикладной семантики: Автореф. ... д-ра филол. н. – М., 1978.
- Городецкий Б.Ю.* От лингвистики языка – к лингвистике общения // Язык и социальное познание. – М., 1990.
- Городецкий Б.Ю., Зевахина Т.С.* Новые шаги дунганской лексикографии // Ориенталистика в Киргизии. – Фрунзе, 1987.
- Городецкий Б.Ю., Зевахина Т.С.* О многозначности языкового знака (теоретические и методические предпосылки исследования) // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. – М., 1977.
- Драгунов А.А.* Исследования по грамматике современного китайского языка. Ч. I. – М.-Л., 1952.

- Зевахина Т.С.* О словарном описании многозначных прилагательных (На материале дунганского языка) // Слово в грамматике и словаре. – М., 1984а.
- Зевахина Т.С.* О порядке следования прилагательных в атрибутивной синтагме дунганского языка (сопоставительно с другими языками) // Вторая конференция по китайскому языкознанию. – М., 1984б.
- Зевахина Т.С.* О функционально-грамматических аспектах словарного описания дунганского прилагательного // Третья конференция по китайскому языкознанию. – М., 1986.
- Зевахина Т.С.* О двух компонентах машинного банка данных по семантической типологии языков // Актуальные вопросы китайского языкознания. Материалы Пятой Всесоюзной конференции. – М., 1990.
- Зевахина Т.С.* Принципы отбора иллюстративного материала для словарных статей комплексного семантического словаря (На примере дунганского языка) // Китайское языкознание. VIII Международная конференция. Материалы. – М., 1996.
- Зевахина Т.С., Имазов М.Х.* Дунганский язык // Языки народов России и соседних государств. Т. 1. – М., 1997.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998.
- Имазов М.Х.* Грамматика дунганского языка. – Бишкек, 1997.
- Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. – М., 1992.
- Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV: Проблемы и методы лексикографии / Сост. *Т.С. Зевахина; отв. ред. Б.Ю. Городецкий.* – М., 1983.
- Проблемы функциональной грамматики. – М., 1985.
- Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании / Ред. колл.: *А.В. Бондарко и др.* – СПб., 2000.
- Солнцева Н.В.* Проблемы типологии изолирующих языков. – М., 1985.
- Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. – М., 1988.
- Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Ред.-сост. *А.Е. Кибрик, соред. Я.Г. Тестелец.* – М., 1999.
- Function and expression in functional grammar / Ed. by *Elisabeth Engberg-Pedersen et al.* – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1994.
- Functional Descriptions: Theory in Practice / Ed. by *Ruqaiya Hasan et al.* – Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1996.
- Sommerfeldt K.-E., Schreiber H.* Woerterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Adjektive. – Leipzig, 1974.